Alexander Amfiteatroff.

Der Ursprung des Antisemitismus in Russland

Band I.

Das Judentum und der Sozialismus.

А. Амфитеатровъ.

Происхожденіе антисемитизма

I часть.

Еврейство и соціализмъ.

Берлинъ 1906.

Verlag der Stuhr'schen Buchhandlung.

Berlin.

Отъ автора.

Въ брошюру „Историческое Происхожденіе антисемитизма“ вошли: 1) Вступительная и вторая лекціи курса съ тѣмъ же названіемъ, читаннаго мною весною 1906 года въ парижскомъ Collège Russe d'Études Sociales. Онѣ обнимаютъ собою основную тему курса: „Еврейство и соціализмъ“ 2) Заключительное слово къ тому же курсу: „Еврейство, какъ духъ революціи.“ 3) Рѣчь моя по поводу погрома въ Бѣлостокѣ, произнесенная на русскомъ митингѣ въ залѣ Парижскаго Географическаго Общества. Сохраняю послѣднюю, какъ приложеніе, не смотря на исчезновеніе Государственной Думы, противъ медлительности которой была направлена моя полемика, потому что она органически связана съ моими общими взглядами на еврейскій вопросъ. Съ горькимъ чувствомъ перечитывалъ я эту рѣчь — передъ отправкою рукописи въ Берлинъ, въ самый день насильственнаго закрытія и распущенія Думы. Невесело

быть слишкомъ точнымъ пророкомъ политическаго безсилія!... Едва мѣсяцъ прошелъ, — и вотъ они, событія: теоретическая кадетская Дума сперва не умѣла защитить другихъ, потомъ — самое себя.... Наглый coup. d'état 22 іюля (ровно $1^1/_2$ года послѣ 9/22 января 1905 года!) сдунулъ ее, какъ мыльный пузырь! Горе Николаю II, надругавшемуся надъ народнымъ представительствомъ, и — трагическій урокъ на будущее время представительству, не хотѣвшему понять своей роли въ революціонномъ государствѣ, не пожелавшему опереться на революцію безъ монархическихъ компромиссовъ, не уразумѣвшему, что задача его быть не парламентомъ книжниковъ и краснобаевъ, но — Учредительнымъ Собраніемъ вооруженнаго и возстающаго народа.

Александръ Амфитеатровъ.

Paris, 1906. VII. 23.

Еврейство и соціализмъ.

I.

Товарищи!

Короткій курсъ, который я намѣренъ предложить вашему вниманію, имѣетъ предметомъ изслѣдованіе началъ одного изъ самыхъ печальныхъ, отвратительныхъ и, во истину, трагически-роковыхъ недуговъ міровой исторіи. Онъ — древній и хронически мучитъ человѣчество чуть-ли не съ его ранняго дѣтства. Самая грозная опасность въ немъ — способность къ внезапнымъ обостреніямъ, похожимъ на эпидеміи буйнаго умопомѣшательства, какъ будто ударомъ молніи поражающаго цѣлые классы, народы и расы. Бѣшеное неистовство подобныхъ обостреній привыкло лить человѣческую кровь, какъ воду, смывая позорные слѣды своихъ убійствъ, насилій и подлѣйшихъ издѣвательствъ надъ ближнимъ морями слезъ, скорби, гнѣва и отчаянья, точимыми, вотъ уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ, изъ глазъ несчастнаго народа, которому суждено было стать искупительною жертвою этихъ историческихъ безумій. Этотъ народъ мученикъ — еврейскій народъ, а міровой недугъ, терзающій его изъ вѣка въ вѣкъ кровавыми и оскорбительными угнете-

ніями, получилъ въ XIX столѣтіи наименованіе *антисемитизма*. Названіе слишкомъ широкое, такъ какъ евреи — только часть, и притомъ далеко не господствующая, великой семитической расы, а, кромѣ нихъ, на другихъ ея племенныхъ представителей историческое бѣшенство народовъ никогда не устремлялось ни съ такимъ постоянствомъ, ни съ такою злобою, ни съ такою безсмысленно-убѣжденною, маніакальною предвзятостью. Названіе не точное, потому что заразѣ антисемитизма подвержены нетолько потомки Іафета и Хама, но она способна свирѣпствовать, съ неменьшимъ упорствомъ предубѣжденій, и въ народахъ самой семитической расы, приходящихся евреямъ кровными родными и историческими сосѣдями, болѣе того, — часто очень гордыхъ своимъ происхожденіемъ отъ общихъ съ евреями праотцевъ. Хроника еврейскихъ страданій одинаково полна стонами, какъ подъ гнетомъ христіанской религіи которую іудаизмъ выдѣлилъ, изъ себя, по преимуществу, для іафетидовъ такъ и подъ игомъ Ислама, который онъ же родилъ, въ новое соперничество самому себѣ, для племени Симова. Итакъ, произнося „антисемитизмъ“, мы никогда не должны упускать изъ вида, что слово это таитъ въ себѣ условную ложь, ослабляющую смыслъ недуга расовымъ расширеніемъ его антипатій. Въ исторической дѣйствительности, ни одинъ семитическій народъ, кромѣ евреевъ, — ни ара

бы, ни армяне — никогда не были гонимы и преслѣдованы за расовое происхожденіе. Ихъ войны, распри, революціи, бунты, взаимоантипатіи съ другими расами и между собою, возникали и возникаютъ изъ причинъ политическихъ, экономическихъ, изъ столкновеній религіозныхъ, либо подъ давленіемъ соціальныхъ перестроекъ, возбуждающихъ соперничество и тревогу въ международномъ сосѣдствѣ. Еврей – единственный семитъ, травимый всѣми расами, не исключая своей собственной, только за то, что онъ еврей. И, такимъ образомъ, расплывчатое и зыбко-уклончивое представленіе антисемитизма мы должны мысленно сузить въ болѣе-справедливое, точное и твердое понятіе „антіудаизма“.

Въ наши дни пожаръ антисемитическаго недуга на материкахъ стараго свѣта, какъ будто, нѣсколько ослабѣлъ, но не можетъ считаться потушеннымъ. Частыя и внезапныя вспышки его то здѣсь, то тамъ, даже въ самыхъ цивилизованныхъ государствахъ и странахъ, доказываютъ слишкомъ наглядно его злобную живучесть. Французская республика гордится своею буржуазно-демократическою культурою, построенною третьимъ сословіемъ на либеральныхъ принципахъ „правъ человѣка“. Однако, знаменитое и никѣмъ еще не забытое, какъ опасная, незажившая рана, дѣло

Дрейфуса сорвало съ весьма значительной части французскаго общества носимую имъ маску „свободы, равенства и братства.“ Еврейство увидѣло предъ собою на Сенѣ когти и зубы того-же свирѣпаго звѣря-призрака, что, въ разныя прошлыя эпохи, угрожалъ ему своею пастью на берегахъ Евфрата, Нила, Тибра, Тахо, Дуная и Днѣпра. Къ счастью, у французскаго еврейства, въ союзѣ съ лучшими людьми европейской цивилизаціи, оказалось достаточно силы, чтобы, послѣ долгой культурной борьбы, одѣть страшнаго звѣря въ подобающій ему намордникъ. Тѣмъ не менѣе, звѣрь выразительно напомнилъ о себѣ, что онъ живъ и не измѣнилъ своей породы, — и не думаю, чтобы какой либо еврей позабылъ съ тѣхъ поръ о зловѣщемъ напоминаніи. Звѣрь антисемитизма въ Западной Европѣ живъ, но онъ — въ цѣпяхъ цивилизаціи и, такъ какъ онъ живъ, то, покуда живъ, онъ и долженъ быть въ цѣпяхъ. Каковъ онъ безъ цѣпей, тому почти фантастическіе примѣры даетъ въ настоящее время наше несчастное отечество, далекая огромная, безтолковая мать-Россія, съ ея погромами въ Кишиневѣ, Одессѣ, Житомірѣ, Екатеринославѣ, Бѣлостокѣ. Отъ каждой страницы ихъ кровавой лѣтописи вѣетъ ужасами, воскрешающими самые черные дни еврейства въ его плѣненіи и разсѣяніи, не исключая временъ испанской инквизиціи, не исключая гайдамачины и Уманьской рѣзни. Русское

еврейство трепещетъ и исходитъ кровью въ рукахъ правительства Гамановъ, къ сожалѣнію, гораздо болѣе ловкихъ, наглыхъ, послѣдовательно-жестокихъ и хладнокровно-дѣятельныхъ въ своей бюрократической закаленности, чѣмъ тотъ легендарный Гаманъ, министръ персидскаго царя, чье имя, изъ года въ годъ, проклинаетъ еврейская синагога на праздникѣ Пуримъ. Гаманизмъ, — неукротимое влеченіе душить еврейство, какъ націю и соціальную религію, уже, по крайней мѣрѣ, четверть вѣка является господствующимъ теченіемъ въ русскомъ правительствѣ. Два послѣднія царствованія Голштинъ-Готорпской династіи, Александра III и Николая II, пропитаны духомъ неуклонной, почти механической ненависти къ іудейству, унижавшейся, въ мрачныхъ фигурахъ Игнатьева, Сипягина, Плеве, Дурново, не только до фанатическаго палачества, но и до открытаго разбойничества. Вооруженные и подстрекаемые правительствомъ, еврейскіе погромы, по библейскому преданію, изобрѣтены въ Персіи, при послѣднихъ свирѣпыхъ ахеменидахъ. Но надо отдать справедливость послѣднимъ же-Романовымъ: они значительно усовершенствовали многовѣковыя сказанія книги Эстеръ. И то счастливое обстоятельство, что, по легендѣ, спасло евреевъ, отъ истребленія Гаманова, оказалось безсильно вы[illegible]чить ихъ во дни Николая Романова: въ лицѣ г. Витте, мы имѣли главу пра-

вительства, который, подобно царю Ахверушу, женатъ на еврейкѣ, но — увы! обаяніе прекрасной Эстеръ погасло въ вѣкахъ, и семитическій бракъ русскаго премьеръ-министра не помѣшалъ Гаману Курлову рѣзать евреевъ въ Минскѣ, Гаману Нейдгарту опустошить огнемъ и мечомъ еврейскіе кварталы Одессы, Гаману Азанчевскому неистовствовать надъ евреями въ Томскѣ... и кто сочтетъ ихъ всѣхъ, нашихъ позорныхъ маленькихъ Гамановъ? Суровый ахеменидъ, декретировавшій Гамановъ погромъ, кончилъ тѣмъ, что смягчился и разрѣшилъ своимъ подданнымъ евреямъ организацію племенной самообороны (Э. VIII, 11). А мы, люди XX вѣка, еще такъ недавно были свидѣтелями, что на каждую попытку еврейской самозащиты противъ ножа хулигана и дубины черносотенца отвѣчали смертоноснымъ свинцовымъ дождемъ ружья царскихъ солдатъ и жерла царскихъ пушекъ*). Таковъ счастливый результатъ двадцатипятивѣковой эволюціи самодержавнаго режима! Кровавые эксцессы правительственнаго антисемитизма, съ хитрыми попытками привить его разрушительныя язвы мирнымъ народнымъ массамъ, положили на Россію отвратительное, позорное клеймо. О немъ ни одинъ порядочный русскій человѣкъ не въ состояніи думать безъ ужаса и стыда за великій

*) См. ниже рѣчь мою о Бѣлостокскомъ погромѣ.
Ал. А—въ.

грѣхъ своей несчастной, обманутой народности. Слабымъ утѣшеніемъ намъ является, пожалуй, лишь тотъ повсемѣстно наблюдаемый фактъ, что наглядность еврейскаго мученичества въ когтяхъ правительственнаго антисемитизма почти совершенно образумила и погасила вредный огонекъ антисемитизма *общественнаго* который, какъ скверная историческая привычка, воспитанная и поддержанная самодержавно-бюрократическимъ строемъ, тлѣлъ и вспыхивалъ иногда даже въ просвѣщенныхъ слояхъ Россіи. Кровь кишиневскаго, одесскаго и другихъ погромовъ явилась гигантскою тавроболіей: красный дождь ея очистилъ ужаснувшуюся русскую интелигенцію отъ порока юдофобіи и заставилъ ее, всѣмъ пламенемъ угнетенной совѣсти, почувствовать Каиново клеймо, упавшее на чело ея, какъ равнодушной и небрежной попустительницы правительственныхъ преступленій. Это клеймо не можетъ быть уничтожено ни красивыми словами, ни пылкими рѣчами, ни сильными статьями, ни умягчительными пластырями конституціонныхъ petits jeux, на которые теперь такъ много уповаетъ россійское гражданское прекраснодушіе. Его снимутъ, срѣжутъ, и сожгутъ только желѣзо и огонь революціи, которою въ настоящее время, и еврейство, и руссизмъ, и всѣ государственно сопряженныя съ нимъ племена объединены, чтобы добыть себѣ общую братскую сво-

боду. Фундаментомъ, двигателемъ и гарантіей такой желанной свободы я признаю единую силу: *федеративное республиканское народоустройство въ соціалистическомъ порядкѣ.*

Антисемитизмъ въ государствахъ христіанской культуры своею горькою насущностью заставилъ позабыть свое дохристіанское прошлое настолько, что весьма многіе ошибочно считаютъ этотъ, проклятый и самоубійственный для каждаго народа и государства, недугъ порожденіемъ именно христіанской культуры и ея непремѣнною принадлежностью. Предполагается, что антисемитизмъ возникъ на почвѣ религіознаго антагонизма, которымъ раздѣлило еврейскую массу, девятнадцать вѣковъ назадъ, отпаденіе отъ нея *секты* послѣдователей полумиѳическаго пророка Іисуса изъ Назарета, міровое распространеніе секты этой, преобразованіе ея въ новую *религію* христіанства и, мало по малу, всеевропейское *государственное* торжество ея, въ тѣхъ или иныхъ развѣтвленіяхъ вѣроисповѣданій и культа. Для сотенъ тысячъ фанатиковъ-антисемитовъ, въ особенности въ темныхъ малокультурныхъ классахъ „христіанскаго“ общества, еврей дѣйствительно — прежде всего, „врагъ Іисуса Христа,“ а непріязнь къ еврейству имѣетъ датою тотъ легендарный день, когда въ Іерусалимѣ, на Голгофѣ вознесся крестъ съ пригвожденнымъ къ нему тѣломъ таинственнаго пророка-реформатора, чьимъ именемъ

Европа наполнила затѣмъ свою двухтысячелѣтнюю исторію, то освящая имъ свои величайшія дѣянія, то извиняя имъ свои гнуснѣйшія злодѣйства. Съ своей стороны, и еврейство, вытерпѣвъ отъ христіанской государственности тьмы темъ гоненій подъ религіозными предлогами и съ религіозною мотивировкою, подчинилось видимости и привыкло считать элементъ религіозной распри создающимъ и опредѣляющимъ, какъ существо и характеръ, такъ и длящуюся дѣятельность антисемитизма. Если для темнаго антисемита-черносотенца историческое прошлое еврейства выливается въ короткой и безсмысленной формулѣ, что „жиды Христа распяли“, то, и обратно, для множества евреевъ фантастическій образъ Іегошуа Ганоцри всецѣло обратился въ чудовищный символъ преслѣдованій: за исполинскимъ мракомъ его потускли всѣ былыя вражды ихъ дохристіанской и внѣхристіанской международности. Въ статьѣ „Новозавѣтный Израиль“, принадлежащей перу одного изъ самыхъ искренныхъ и теплыхъ друзей еврейскаго народа, покойнаго Владиміра Соловьева, мы читаемъ слѣдующую исповѣдь Іосифа Рабиновича. Этого страннаго человѣка одни считали пророкомъ, другіе обманщикомъ, третьи сумасшедшимъ за то, что онъ пытался перекинуть мостъ черезъ религіозную пропасть, отдѣляющую еврейство отъ христіанства, посредствомъ довольно сумбурныхъ компромиссовъ Моисеева закона съ

Никейскимъ символомъ вѣры, при обязательномъ догматѣ, что Іисусъ Христосъ былъ Мессія и сынъ Божій. „Когда я занялся страданіями моего народа, — говоритъ Рабиновичъ, — то я, какъ врачъ, испытующій тѣло больного, тщательно нажималъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ какъ я не попадалъ на больное мѣсто, то и не получалъ почти никакого отвѣта. Когда я говорилъ: „Талмудъ и всѣ раввинскія придѣлки происходятъ вовсе не отъ Синая, какъ говорятъ, а все это — только человѣческая работа, въ которой наполовину смысла, а наполовину безсмыслицы," — то эти слова мало затрогивали мой народъ. Говорилъ-ли я далѣе: „И Тора (Законъ) и весь Тенахъ (Ветхій Завѣтъ) содержатъ одни человѣческія постановленія, недостовѣрныя исторіи и невѣроятныя чудеса", то и тутъ я все таки оставался уважаемымъ Рабиновичемъ, и отъ этихъ моихъ словъ не было больно народу моему. Оставался спокоенъ народъ мой и тогда, когда я ставилъ Моисея на одну доску съ современными кудесниками, когда я называлъ его обманщикомъ. Я могъ бы даже отрицать самого Бога, и народъ мой не издалъ бы болѣзненнаго звука. Но вотъ, когда я вернулся изъ Святой Земли съ радостною вѣстью: „Іисусъ есть братъ нашъ," тутъ я попалъ на больное мѣсто, и отовсюду раздался крикъ боли: „не жми, не трогай' больно!" .. Живописная притча Рабиновича прав-

дива и глубока: больное мѣсто такъ мучительно проникло въ тѣло Израиля, что его страдальческая ощутимость очень часто переживаетъ въ евреѣ самую религіозность. Тысячи евреевъ, которыхъ просвѣщеніе озарило религіознымъ свободомысліемъ, для которыхъ уже нѣмы и Талмудъ, и Шулханъ Арухъ, и самая Тора, не могутъ, тѣмъ не менѣе, отрѣшиться отъ гнѣвнаго и боязливаго предубѣжденія противъ Іисуса, потому что для нихъ онъ — наслѣдственный, атавистически пріемлемый символъ страданій и порабощеній еврейскаго народа. Имъ безразличенъ, — я зналъ многихъ, которымъ былъ даже симпатиченъ, — Христосъ, какъ религіозный и соціальный учитель. Но — за религіознымъ образомъ, они видятъ сліяніе, во имя его, девятнадцативѣковыхъ ужасовъ христіанской политики и соціальной жизни, видятъ и чувствуютъ прессъ, которымъ сокрушались кости и выжималась кровь изъ тѣла Израиля, и — нѣтъ примиренія, нѣтъ забвенія. Кроткій Іисусъ остается для этихъ людей вдохновителемъ Торквемады, а любвеобильное Евангеліе — кодексомъ казней, тюремъ и униженій, книгою проклятія, которою попы всѣхъ вѣковъ и націй благословляли темные умы къ издѣвательству, гнету и злодѣйствамъ надъ еврейскимъ разсѣяніемъ.

Я далекъ отъ мысли устранять изъ мрачной и сложной системы антисемитизма могучій факторъ религіозной ненависти. Но, въ наши дни, исто-

рикъ не имѣетъ ни возможности, ни права разрубать Гордіевы узлы своихъ вопросовъ мечомъ голыхъ психологическихъ мотивовъ. Религіи, съ вложенными въ нихъ этическими кодексами, суть плоды соціальныхъ міровозрѣній, проникающихъ народы и расы въ ту или другую эпоху подъ давленіемъ естественныхъ фактовъ, опредѣляющихъ жизнь человѣчества одинаково на всѣхъ культурныхъ ступеняхъ. Это — знаменитыя четыре категоріи вліянія, установленныя Боклемъ: климатъ, пища, почва и общій видъ природы. Три чисто физическихъ фактора накопленія и распредѣленія богатствъ и смѣшанный физико-эстетическій факторъ, направляющій, въ условіяхъ этого накопленія и распредѣленія, фантазію и разумъ народовъ въ русла ихъ исторической дѣятельности, механически опредѣляющій ихъ роль въ культурѣ человѣчества, — не исключая, конечно, и религіознаго творчества, которымъ суждено ему въ ней себя ознаменовать. Вотъ почему — отвѣтить на такую могучую и старую историческую проблему, какъ антисемитизмъ, простымъ прямолинейнымъ и грубымъ рѣшеніемъ религіозной вражды, въ сущности, значитъ не отвѣтить на нее вовсе, ибо, въ такомъ случаѣ, мы вторичные и производные поводы подставляемъ на мѣсто производящихъ первопричинъ. Религіозная рознь есть историческая арена антисемитизма, но не почва, изъ которой онъ выросъ. Выражаясь въ

формахъ религіозной розни, онъ, съ глубокой древности, таилъ подъ ними существенное сцѣпленіе соціально-экономическихъ началъ. Ихъ механика неотвратимо руководила его историческимъ ходомъ, вызывая къ жизни не только тѣ международныя столкновенія, въ которыя должна была воплотиться религіозная рознь, но и самыя религіи, обреченныя на будущую вражду, со всею ихъ шаткою, зыбкою, часто даже капризною эволюціею.

Антисемитизмъ старше христіанства на многія сотни лѣтъ, и почти сотню лѣтъ надо накинуть на періодъ, когда христіанство жило сектою въ нѣдрахъ іудаизма и менѣе всего было антисемитическимъ. Напротивъ, оно, у своего источника, явилось крайнимъ и ярко послѣдовательнымъ выразителемъ именно семитическаго генія. Изъ подъ чернильныхъ тростей авторовъ гуманнаго Второзаконія, сознательно и убѣжденно — нищихъ пророковъ таинственнаго анонима, поддѣлавшаго вторую книгу Исаіи, геній семитическаго перво-христіанства вѣялъ надъ Палестиною уже за семьсотъ лѣтъ до Рождества Христова. Вѣялъ и ронялъ въ почву Іудеи и Израиля первозародыши соціалистическихъ идей, обреченныхъ прожить въ еврейскомъ народѣ подъ религіозными скорлупами, цѣлыя тысячелѣтія, покуда, въ XVIII и XIX в.в., еврейскій же геній не вызвалъ ихъ изъ подъ скорлупъ, чтобы развить

въ стройныя научно - соціальныя системы и, наконецъ, — на памяти нашихъ отцовъ — формулировать міру, устами Лассаля и Маркса, пророчество, откровеніе и кодексъ грядущаго соціальнаго строя.

За сотни лѣтъ до христіанства, библія сохранила намъ въ своихъ легендахъ слѣды антисемитизма египетскаго, ассировавилонскаго, персидскаго, эллинскаго и — за десятки лѣтъ — римскаго. Если бы руководствоваться въ характеристикѣ этихъ антисемитизмовъ только религіознымъ признакомъ, то оказалось бы, что іудаизмъ искони находился въ одинаково принципіальной исторической борьбѣ и съ пестрымъ египетскимъ символизмомъ; и съ двойственнымъ культомъ великаго ассиро-вавилонскаго государства, гдѣ воинская половина являла собою странный примѣръ атеизма, сочетавшагося съ человѣкобожіемъ, въ преклоненіи предъ живымъ фетишемъ — царемъ, а жреческая, по наслѣдству старыхъ халдейскихъ преданій, наоборотъ, исповѣдовала какую-то изящную смѣсь чисто матеріалистическаго міровоззрѣнія съ мистическими аллегоріями: Ренанъ усматривалъ въ ней зачатки будущей позитивной философіи; и съ возвышеннымъ иранскимъ монотеизмомъ, — дуалистическія теченія, въ періодъ подчиненія евреевъ персамъ, еще не овладѣли религіей Агурамазды; и съ эстетикою и философ-

скими аллегоріями эллинскаго пантеистическаго многобожія; и съ казеннымъ, бюрократическимъ, внѣшне-полицейскимъ культомъ Рима, равнодушно терпимаго ко всѣмъ религіямъ объединеннаго имъ міра. Въ дѣйствительности оно было совсѣмъ не такъ. Воинствующій монотеизмъ Пятикнижія и пророковъ, который сдѣлался историческимъ символомъ еврейства въ семьѣ народовъ міра, воцарился надъ Израилемъ не въ одинъ день и, конечно, не чрезъ таинственныя богоявленія патріархальнымъ героямъ миѳическаго эпоса, отъ Авраама до Моисея, судей, первыхъ царей и современныхъ имъ пророковъ. *Яхвеизмъ* Израиля, — огромная философская идея Іеговы, столь расовая для еврейства, что напримѣръ, Кузенъ усматривалъ ее даже въ „міровой субстанціи“ великаго пантеиста Боруха Спинозы, — выношенъ еврействомъ въ шестисотлѣтнемъ треніи религіи, въ международномъ общеніи идей и культовъ, оставлявшихъ на немъ глубокіе слѣды и двигавшихъ его эволюцію съ поразительною энергіею. Всеобъемлющій, вездѣсущій, всезрящій, всемогущій, абстрактный вседержитель Яхве третьяго Іерусалимскаго храма, гдѣ молился Гиллелъ, Шамаи, Іисусъ, апостолъ Павелъ, — совсѣмъ не тотъ конкретно-грубый Яхве, мѣстный молніеносный Перунъ Синайской горы, котораго номадъ-Израиль принялъ своимъ народнымъ богомъ-покровителемъ на воинственныхъ кочевьяхъ въ ара-

вѣйской пустынѣ. Въ нашу задачу не входитъ детальное изслѣдованіе этой величественной эволюціи, блестяще изложенной Ренаномъ въ его „Histoire du peuple d'Israel", до сихъ поръ не старѣющей, хотя новѣйшія открытія оріэнтологіи и внесли въ нее многія существенныя поправки. Къ этому знаменитому труду, соединяющему въ себѣ всѣ лучшія качества научности и популярности, отсылаю желающихъ изучить вопросъ подробнѣе. Мы ограничимся тѣмъ, что намѣтимъ ступени эволюціонной формировки іудейскаго яхвеизма вкратцѣ. Изслѣдованіями европейскихъ ученыхъ, преимущественно германскихъ, давно выяснено, что въ писаніяхъ Пятикнижія, — конечно, гораздо позднѣйшихъ лѣтосчисленія, которое приписываетъ имъ народная вѣра — ,явственно замѣтны и раздѣлены два теченія: элоистическое и яхвеистическое. Первое, отъ El, Eloh, во множественномъ и собирательномъ Elohim, что могло бы быть переведено на русскій языкъ: „боги, составляющіе существо единаго божества," — представляетъ собою сумму древнѣйшихъ общесемитическихъ вѣрованій пантеистическаго типа. Кочевое еврейство вынесло элоизмъ изъ общей колыбели семитизма Аравіи и Мессопотаміи и воспитало его общеніемъ съ древними семитическими и таинственными предъ-семитическими цивилизаціями на Тибрѣ и Евфратѣ. Послѣ открытій Делича, такъ огорчившихъ протестантское правовѣріе им-

ператора Вильгельма II, „боговдохновенная“ оригинальность Моисеевыхъ сказаній окончательно утратила свой давно уже сомнительный и поколебленный кредитъ. Деличъ установилъ, какъ прочный научный фактъ, преемственное и подражательное происхожденіе этихъ сказаній изъ Вавилона, отъ сакраментальнаго права царя Магураби. Такимъ образомъ, истинно семитическою основою будущей іудейской религіи былъ элоизмъ, характеризуемый Ренаномъ, какъ „деизмъ безъ метафизики“. Это— та религія, которую библейскій эпосъ приписываетъ своимъ рыцарямъ-патріархамъ, въ сказаніяхъ домоисеева цикла. Elohim — это собирательный богъ Авраама, Исаака и Іакова, мысленно созерцаемый мечтателемъ-номадомъ въ великолѣпномъ единствѣ синяго звѣзднаго неба, раскинутаго надъ цвѣтущимъ оазисомъ, гдѣ, подъ пальмами, затерялись шатры и стада сытаго патріархальнаго кочевья. Элоистическая часть Торы — самая свѣтлая, теплая, человѣчная, — къ ней, какъ къ идеалистической утопіи, какъ къ золотому вѣку, будутъ со временемъ устремляться умы Израиля, въ желѣзныя эпохи народныхъ бѣдствій, не утѣшаемыхъ формальною религіей побѣдоноснаго яхвеизма. Послѣдній представляетъ собою второе религіозное наслоеніе въ іудаизмѣ. Для насъ не въ томъ суть, происходитъ ли Яхве (Я есмь сущій, Я буду, Который буду) отъ вавилонскаго Іао, ассирійскаго Іоху или

египетскаго Іохъ, — намъ важно то, что яхвеизмъ былъ въ іудействѣ уклоненіемъ отъ расоваго пантеизма къ потребности національнаго культа. Такимъ образомъ, онъ былъ прогрессивнымъ шагомъ, какъ орудіе политической формировки еврейства, но регрессивнымъ, какъ ограниченіе высокой философской идеи элоизма. Ограниченіе это произошло, по весьма правдоподобному преданію, въ періодъ вынужденнаго обратнаго кочевья евреевъ изъ Египта въ землю Обѣтованную. Съ одной стороны, политическія впечатлѣнія, вынесенныя изъ страны пирамидъ, съ другой стороны, то дружескія, то воинственныя столкновенія съ номадами — семитами пустыни, изъ коихъ каждый разбойничалъ подъ покровомъ своего собственнаго Эла, — имена этихъ Эловъ безчисленны! — потребовали отъ народнаго инстинкта: воплотить отвлеченное міросозерцаніе элоизма въ конкретный типъ такого же божества — протектора — спеціально для бродячаго союза двѣнадцати колѣнъ Бени-Израиль и Бени-Юсуфъ. Такимъ племеннымъ богомъ, — послѣ жестокой и кровопролитной борьбы съ воспоминаніями объ египетскомъ поклоненіи міровой душѣ, заключенной въ животныхъ тѣлахъ, — былъ призванъ и признанъ духъ Синайской горы, которая поразила воображеніе поколѣній, взрощенныхъ низменностями и пустынными плоскогорьями. Народное суевѣріе получило своего спеціальнаго бога браней, молніеноснаго,

страшнаго, требовательнаго, ревниваго, безжалостно жестокаго въ своихъ властныхъ капризахъ, и нарекло его однимъ изъ старыхъ, дѣйствительно, врядъ-ли не вавилонскихъ, эпитетовъ божества — Яхве (Исходъ XXXIV, 5.) Новый богъ еврейства носилъ въ миѳѣ своемъ удивительно ясные слѣды бытового уклада среды, принявшей его патронажъ. Какъ положительный идеалъ, онъ весь — политическій инстинктъ объединенія, обостренный переутомленіемъ колѣнъ въ кочевой жизни, весь — жажда сытой осѣдлости, которую — пришло время и надо-завоевать во чтобы то ни стало. Этическій же его характеръ — прямой отпечатокъ нравственнаго одичанія, какимъ ознаменовалась для израильтянъ невыносимая борьба за существованіе въ мучительныхъ кочевьяхъ по подножнымъ кормамъ отъ однаго истощеннаго оазиса къ другому, Среди баснословія книги Исходъ, ужасы голода и жажды дышатъ правдою пустыни, — это поэзія горькаго опыта. Чудесно налетающіе перепела, манна, падающая съ неба, вода, источаемая ударомъ жезла изъ камня, поспѣваютъ во время, чтобы спасти ропщущій Израиль отъ ссоры и разрыва съ Яхве. Но во всѣхъ книгахъ о пустынномъ странствіи евреевъ — не найти болѣе свѣжей, простой и правдивой его характеристики, какъ вотъ эта коротенькая отмѣтка, дышащая довольствомъ, что брюхо сыто и гортань не пересохла: „И пришли въ Елимъ;

темъ было двѣнадцать источниковъ водныхъ и семьдесятъ финиковыхъ пальмъ, и расположились тамъ станомъ при водахъ.“ Когда къ подобной благодати надо пробиваться изо дня въ день мечомъ и копьемъ, удивительно ли, что народъ заключается всецѣло въ эгоизмъ самосохраненія, и богъ, котораго онъ себѣ воображаетъ, неминуемо будетъ богомъ эгоизма и жестокости? Таковъ именно Яхве въ книгѣ Іисуса Навина, героической поэмѣ, воспѣвающей конецъ похода, — какъ Израиль достигъ исполненія синайскаго контракта своего съ Яхве: „Дамъ тебѣ землю съ большими и хорошими городами, которыхъ ты не строилъ, и съ домами, которыхъ ты не наполнялъ, и съ каменными цистернами, которыхъ ты не высѣкалъ, съ виноградниками и маслинами, которыхъ ты не садилъ, и будешь ѣсть и насыщаться“. Эта книга, какъ равно и значительная доля книги Судей, полны жаднымъ духомъ и низменными идеалами истинно разбойничьихъ захватовъ. И Яхве, въ нихъ, неизмѣнный соучастникъ и пайщикъ со своими наголодавшимися, ожесточенными въ нуждѣ и лишеніяхъ, поклонниками. Но, едва возникла осѣдлость, начинаетъ терять свою воинственно — эгоистическую окраску и яхвеизмъ. Линяетъ его національная исключительность. Окруженный хананейскими и семитическими племенами, умиротворенный, отдыхающій, Израиль вновь находитъ свои древнія

элоистическія симпатіи. И, такъ какъ, за время его разлуки съ Землею Обѣтованною, мѣстный элоизмъ матеріализовался въ политеизмъ, то религія еврейства на многія сотни лѣтъ принимаетъ характеръ чисто эклектическій. Никогда не отступая совершенно отъ національнаго Яхве, Израиль надолго лишилъ его монополіи культа. Сотни лѣтъ, при судьяхъ, царяхъ и пророкахъ, борется негодующій Яхве противъ товарищества Ваала, Астарты, всевозможныхъ мелкихъ помѣстныхъ божествъ, стихійныхъ Эловъ, чтимыхъ въ рощахъ и на вершинахъ горъ. И, когда онъ побѣждаетъ всѣхъ ихъ, чтобы, въ Іерусалимскомъ храмѣ, снова стать исключительнымъ богомъ и владыкою своего народа, онъ самъ выходитъ изъ борьбы преображеннымъ, расширеннымъ и уже опять философскимъ богомъ, въ отвлеченности котораго еврейская душа возвратилась къ общему расовому корню и, не теряя народной физіономіи, нашла свое передовое мѣсто въ семитической семьѣ. Яхве Элоимъ — такъ звучитъ знаменательное символическое сочетаніе, выношенное этимъ долгимъ процесомъ, въ которомъ единовременно ковались и іудейская религія, и еврейская соціальность. Объединеніемъ яхвеизма и элоизма выразился историческій характеръ будущаго іудейства, обезпечилось ему господствующее положеніе въ культурѣ семитовъ и опредѣлилась его роль, какъ всемірнаго религіознаго

фермента, изъ котораго выйдутъ впослѣдствіи и христіанство, и исламъ.

Если мы сравнимъ исторію антисемитизма до и послѣ христіанства, то не найдемъ большой разницы во внѣшнихъ его проявленіяхъ, но за то огромную—во взаимоотношеніяхъ враждующихъ религій. Христіанство, выйдя изъ нѣдръ іудейства, не можетъ не носить на себѣ его неизгладимыхъ слѣдовъ. Но іудейство, наоборотъ, ничего не приняло въ себя ни изъ христіанскаго догмата, ни изъ христіанскаго обряда. Между тѣмъ, египетскій антисемитизмъ не воспрепятствовалъ іудаизму заимствовать отъ египетскихъ жрецовъ свой ковчегъ завѣта, символику священной змѣи, опрѣсноки, храмовую музыку, гаданія по уриму и туммиму и т. д. Вавилонъ наградилъ іудейскихъ пророковъ чудовищными гиперболами своихъ экстатическихъ видѣній. Иранъ заразилъ поклонниковъ Яхве своею ангело и демонологіей. Ненависть къ эллинизаціи не помѣшала возникнуть религіозно — философской школѣ еврейскихъ мудрецовъ въ Александріи, съ геніальнымъ Филономъ, о которомъ современники и ближайшее потомство говорили, что не разобрать, то ли Филонъ платонствуетъ, то ли Платонъ филонствуетъ. И, наконецъ, подъ эгидою римскаго оппортюнизма, Іосифъ Флавій, чьи писанія кто-то остроумно назвалъ послѣсловіемъ библіи, упорно изыскивалъ корни философій и религій ан-

тичнаго міра въ Моисеевомъ Пятикнижіи. Отсюда видно, что въ антисемитизмахъ дохристіанскихъ религіозныя антипатіи играли роль сравнительно малую, едва ли не третьестепенную, и на первомъ планѣ движеній шевелились другія, болѣе матеріальныя причины.

Въ своей самостоятельной политической жизни народъ еврейскій испыталъ самыя разнообразныя формы правленія, и, — если не считать миѳическихъ шейховъ — номадовъ, какъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, при которыхъ обѣтованная земля текла млекомъ и медомъ, переживая свой золотой вѣкъ, — Израиль никогда не былъ счастливъ и, хотя бы сколько нибудь, доволенъ ни одною изъ формъ сво его правленія. Ни мозаическое народоправство вооруженнаго лагеря, ни диктатуры суффетовъ, ни шаманская ѳеократія пророковъ („наби“), ни цари, подчиненные религіозной конституціи, ни республика вѣрныхъ, съ храмомъ, какъ дворцомъ, и первосвященникомъ, какъ президентомъ, во главѣ, ни царики — деспоты, которыхъ навязывала іудейству въ послѣдніе независимые дни его холодная римская опека, — не были по сердцу этому народу — мечтателю. Семитъ вошелъ въ міръ, чтобы освѣтить человѣчество первыми вдохновеніями упорядоченнаго семейнаго строя, но никогда не могъ выносить въ себѣ государственнаго идеала — именно потому, можетъ быть, что, начиная

строить свое государство, онъ всегда хотѣлъ, чтобы оно было — какъ великая семья, и гражданство въ немъ разрѣшалось бы въ родство и братство, въ могучемъ расширеніи отъ семьи къ роду, отъ рода къ колѣну, отъ колѣна къ союзу Бени — Израэль. Преобладаніе въ еврействѣ семейственности надъ государственносью звучало въ каждой нотѣ исторической симфоніи обоихъ самостоятельныхъ царствъ Іуды и Израиля. Но во всей своей грандіозности оно сказалось въ *діаспорѣ*, въ разсѣяніи, которое справедливо и необходимо считать однимъ изъ величайшихъ чудесъ всемірной исторіи. Лѣтопись еврейской діаспоры — единственное массовое и многовѣковое доказательство, что народность въ состояніи существовать и развиваться внѣ оглобель государственности, одною силою племеннаго братства, воплощеннаго въ строгомъ семейномъ законодательствѣ, которое разсматриваетъ личность каждаго изъ сыновъ Израиля, какъ свободнѣйшую и священнѣйшую человѣческую единицу. Если ни египетскій фараонъ Нехао, ни Навуходоносоръ, ни Антіохъ Епифанъ, ни Титъ Га Рашангъ, ни Адріанъ, ни Торквемада оказались не въ состояніи уничтожить жизнеспособность еврейства, то главною причиною тому было глубокое взаимоуваженіе, въ какомъ Тора воспитывала и воспитываетъ свой народъ, лишенный государственности, лишенный территоріальности, но не утратив-

шій ни своего культурнаго единства, ни увѣренности въ своемъ историческомъ избранничествѣ.

Ренанъ, не безъ основанія, почитаетъ первымъ вѣкомъ чистаго и фактическаго іудаизма вполнѣ отрѣшеннаго отъ сказочныхъ оболочекъ, VIII вѣкъ до Р. Х. Въ эту пору, въ Италіи, на берегахъ Тибра, маленькая разбойничья шайка устраивала лагерь-городокъ, которому впослѣдствіи суждено было стать Римомъ, а въ Іерусалимѣ правилъ превосходный царь Езекія и владѣлъ умами родственникъ его — мистическій поэтъ, пророкъ Исаія. Яхвеизмъ этой многозначительной эпохи есть чисто соціальная религія. Государство — не болѣе какъ функція религіознаго строя, а религіозный строй есть союзъ бѣдныхъ и приниженныхъ въ самозащиту, подъ покровомъ Яхве, противъ богатыхъ и властныхъ. Свѣтская власть царя принимаетъ оттѣнокъ религіозно-соціальнаго служительства. Онъ постольку хорошій царь, поскольку онъ умѣетъ осуществить и поддержать союзъ бѣдныхъ. Онъ — царь бѣдныхъ. Богатство — недоразумѣніе, несправедливость, захватъ. Яхве раздѣлилъ народу своему всѣ блага земныя поровну, — онъ не предвидѣлъ, что явятся богатые и бѣдные. Цѣль религіи и политики поправлять эту историческую ошибку, помогая слабому противъ сильнаго, низводя къ нулю преимущества богатаго надъ бѣднымъ. Денежный ростъ — преступленіе.

Богачъ — уже a priori насильникъ, сдѣлавшій свое состояніе дурными путями, занятой одной мыслью, какъ бы ему ограбить слабаго. Піэтисты Іудеи проповѣдывали ту же формулу, что, много столѣтій спустя, выразилъ св, Іеронимъ: Omnis dives iniquus aut haeres iniqui, — каждый богачъ нечестивецъ или наслѣдникъ нечестивца. Эбіоны, ановимы, хасидимы, нищіе Божіе, равные въ своемъ бѣдномъ трудѣ, — вотъ соль земли, вотъ — избранные Израиля. Израиль не хочетъ ничего, кромѣ общественной справедливости. Дворъ, армія, наслѣдственная аристократія ему противны. Идея отечества для него есть идея справедливости, а справедливость есть соціальное равенство. Онъ спокойно пріемлетъ нищету, оплаченную сознаніемъ, что онъ — другъ Божій и опорный центръ націи. Самоотверженный борецъ за отечество, какъ равный между равными, онъ, однако, наотрѣзъ отрицаетъ патріотическія жертвы, если онѣ требуютъ подчиненія идеѣ неравенства, уступокъ несправедливости.

Юридическимъ выразителемъ анавистическаго энтузіазма въ Израилѣ явился около 622 года, при царѣ Осіи, кодексъ Второзаконія, якобы найденный, въ дѣйствительности же составленный подъ отвѣтственнымъ редакторствомъ перво-священника Хелкіи, группою піэтистовъ-демократовъ, — быть можетъ, изъ учениковъ или товарищей-единомыш-

ленниковъ знаменитаго пророка нищеты и отчаянья, великаго страдальца Іереміи. Кодексъ этотъ, хронологически совпадающій съ законодательствомъ баснословнаго Дракона въ Греціи, конечно, хранитъ глубокіе слѣды своего жестокаго вѣка. Но его общее направленіе удивляетъ своею прогрессивностью, въ сравненіи съ суровостью старыхъ законовъ, приписываемыхъ Моисею. Что же касается соціальной стороны, то, конечно, Второзаконіе одна изъ древнѣйшихъ попытокъ человѣчества создать для слабости и нищеты правовыя гарантіи въ ущербъ богатству и силѣ. Предъ нами своеобразная программа соціализма въ теократической оболочкѣ, осуществляющаго себя чрезъ солидарность, почти совершенно отрицающаго военное сословіе и гражданскій укладъ, подавляющаго роскошь, тормозящаго чрезмѣрную доходность въ промышленности и торговлѣ. „Второзаконіе“ полно борьбою съ ростовщичествомъ и стремленіемъ упорядочить залоговое право, чтобы не сказать — вовсе упразднить его фактически, сведя актъ залога къ внѣшнему юридическому символу: если залогодатель бѣденъ, кредиторъ обязанъ возвратить ему залогъ въ тотъ же день, къ солнечному закату. Воспрещеніемъ брать въ уплату за долгъ носильное платье „Второзаконіе“ догнало, изъ за двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ, европейскую современность. Великолѣпно развитъ гу-

манною мотивировкою первозаконъ о заработной платѣ: „Не обижай наемника, бѣднаго и нищаго изъ братьевъ твоихъ или изъ пришельцевъ твоихъ, которые въ землѣ твоей, въ жилищахъ твоихъ; въ тотъ же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо онъ бѣденъ и ждетъ ея душа его; чтобы онъ не возопилъ на тебя къ Господу, и не было на тебѣ грѣха.“ Ренанъ совершенно правъ, указывая, что многимъ изъ современныхъ государствъ казались анархическими такіе параграфы „Второзаконія“, какъ воспрещающій выдавать хозяину бѣжавшаго раба, или приписывающіе оставлять на корню часть сбора хлѣбовъ, винограда и маслинъ на долю случайнаго бѣдняка. Достаточно напомнить, что въ современной Франціи случайный бѣднякъ, который вздумалъ бы похозяйничать въ чужомъ саду или на чужой нивѣ по коммунистическому правилу Второзаконія, рискуетъ получить отъ собственника пулю въ лобъ, безъ всякой за то отвѣтственности предъ закономъ.

Я остановилъ ваше вниманіе на соціалистическомъ духѣ Второзаконія съ особенною подробностью, потому что этотъ духъ — духъ могучаго вопленника Іереміи — есть послѣднее слово іудаизма передъ великимъ народнымъ бѣдствіемъ, которымъ, собственно говоря, и открывается исторія фактической діаспоры: передъ Вавилонскимъ плѣ-

неніемъ. Настроенія Второзаконія и Іереміи — это сумма нравственнаго капитала, накопленнаго древнею іудейскою самостоятельностью. Насильственные переселенцы понесли его съ собою на берега Евфрата; эмигранты, ускользнувшіе отъ разгрома Навуходоносорова, пересадили въ Египетъ, куда, по преданію, скрылся кончать свою трагическую жизнь и самъ Іеремія; но, въ особенности, капиталъ этотъ, какъ благовѣйное преданіе, остался дышать и жить среди бѣдняковъ, забытыхъ въ Іудеѣ презрѣніемъ и политическимъ расчетомъ могучаго побѣдителя. Съ тѣхъ поръ, созрѣвшій духъ свободы, равенства и братства уже не покидалъ еврейства никогда. Онъ искажался безобразными наслоеніями, обрасталъ лишаями и мхами политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ суевѣрій, осквернялся искусственными метаморфозами въ ханжество и лицемѣріе, впадалъ въ страшныя ошибки племенной исключительности, которыя дѣлали его орудіемъ застоя, даже реакціи, и иногда истиннымъ бичемъ своей и чужихъ націй. Но онъ уже не угасъ никогда и — двѣ тысячи лѣтъ порождаетъ въ мірѣ семъ періодическіе коррективы къ упадочнымъ эпохамъ соціальной морали. Въ самомъ іудействѣ этотъ духъ создалъ коммунистическую секту ессеевъ, откуда вышелъ пророкъ Іохананъ, котораго христіанство зоветъ Іоаномъ Крестителемъ, Предтечею Іисуса Христа, и ея дальнѣйшія пятивѣковыя гумѣненія; а въ умѣренной буржуазной пере-

работкѣ своего кодекса, далъ содержаніе и властное обаяніе фарисейству, первоначально занявшему въ іудействѣ положеніе, сходное, пожалуй, съ тѣмъ, какое въ современномъ соціализмѣ занимаютъ бернштейніанцы. Коррективомъ къ бюрократизму церквей въ государственномъ христіанствѣ онъ породилъ — наиболѣе родственный себѣ — Исламъ. Католическая церковь недаромъ запрещала чадамъ своимъ чтеніе библіи и карала переводы ея на общепонятные живые языки. Когда реформація разбудила лѣтописи іудейства, какъ нѣкую спящую красавицу, мятежный духъ ихъ пронесся по Европѣ вихремъ религіозной революціи, а религіозная революція не замедлила перейти въ политическую и соціальную. Въ Англіи она оказалась особенно типическою и грозно — побѣдоносною. Пуританская армія Кромвеля жила идеалами и ненавистями духа пророковъ Амоса и Исаіи. Іеремія возсталъ изъ гроба, чтобы отрубить голову королю Карлу I.

Можно утверждать безъ колебаній и сомнѣній, что античный міръ началъ знакомиться съ евреями только въ діаспорѣ, въ массовой эмиграціи. Античный антисемитизмъ, какъ извѣстно изъ полемики Іосифа Флавія съ глумливымъ памфлетомъ Аніона, этого Крушевана или Шмакова александрійской публицистики, старательно уязвлялъ еврейство, что, молъ, вы — народъ новый и всюду чужаки. Второй доводъ Іосифу Флавію было труд-

но отрицать, и борьба съ нимъ — не болѣе, какъ искусная софистическая діалектика, но въ первой части возраженія Іосифъ чувствуетъ подъ собою твердую почву, сыплетъ историко — литературными доказательствами, тонко сводитъ полемику къ прозрачному интернаціональному укору: нѣтъ, мы то народъ древній, подревнѣе всѣхъ васъ, а — вольно же вамъ было такъ поздно съ нами познакомиться!

Оставляя въ сторонѣ всѣ мелкіе и полумиѳическіе прецеденты, раздутые національнымъ самолюбіемъ, надо признать, что въ европейскую культурную семью евреевъ ввелъ Александръ Македонскій Его слѣдуетъ почитать творцомъ діаспоры, эрою которой стало основаніе въ Дельтѣ Нила великаго города Александріи. Одинъ изъ генераловъ — преемниковъ Александра, Птоломей, сынъ Лага, въ 319 году до Р. Х., опустошилъ Іудею и Самарію, взялъ и ограбилъ самый Іерусалимъ — съ спеціальною цѣлью населить іудейскими плѣнниками Александрію съ пригородами по нижнему Нилу. Такая насильственная колонизація погубила бы всякое арійское племя, но удалась блестяще съ семитами, какъ благодарнѣйшимъ элементомъ для эмиграціонной прививки. Въ самомъ непродолжительномъ времени Александрія потянула къ себѣ и добровольную эмиграцію и, подъ сравнительно мягкимъ, по своему либераль-

нымъ, какъ теперь сказали бы — юдофильскимъ, управленіемъ Птоломеевъ, сдѣлалась для еврейства настолько же своимъ городомъ, какъ, напримѣръ, современный Нью-Іоркъ съ его семью стами тысячъ израэлитовъ. Достаточно указать, что въ эпоху Филона, — онъ былъ немного старше Іисуса Христа, — въ Египтѣ насчитывали до милліона евреевъ, что составляло болѣе восьмой части всего населенія. Изъ пяти округовъ Александріи, два были заселены исключительно евреями, а въ остальныхъ они густо квартировали почти въ каждомъ околоткѣ. Каждый округъ имѣлъ свою синагогу, а главная александрійская синагога, въ формѣ базилики съ двойнымъ перистилемъ, была настолько громадна, что храмовой служка подавалъ молящимся знаки къ обрядовымъ возгласамъ не голосомъ, но подымая флаги. Въ Сиріи, подъ властью Селевкидовъ, почти въ той же мѣрѣ развилась іудейская колонія Антіохіи, которой суждено было пріобрѣсти особо важное значеніе въ сектантскомъ періодѣ христіанства. Было бы безконечно длинно перечислять второстепенныя, даже главнѣйшія колоніи еврейской діаспоры. Достаточно сказать, что въ концѣ 2-го столѣтія до Р. Х. одно стихотвореніе, вышедшее изъ среды александрійскаго эллинизированнаго іудейства, справедливо похваляется, что на землѣ нѣтъ ни суши, ни моря, гдѣ не было бы народа Израильскаго. Въ какія нибудь двѣсти-

триста лѣтъ границы діаспоры коснулись на югѣ — Ливіи въ Африкѣ, на западъ — Испаніи, на сѣверъ — Галліи, на сѣверовостокъ — Крыма, Пантикапеи (нынѣшняя Керчь) и Анапы, на востокъ — Арменіи и зыбкихъ порубежныхъ украинъ великаго парѳянскаго царства. Во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. область діаспоры дошла даже до Китая, куда эмигрировала часть персидскихъ евреевъ. Потомки ихъ, открытые въ XVIII вѣкѣ однимъ іезуитомъ, не вымерли до сего дня и сохранили свою религію, свой характеръ, свой бытъ. Многія изъ еврейскихъ колоній считали населеніе десятками и даже сотнями тысячъ. Тѣ, о людности которыхъ нѣтъ точныхъ указаній, заставляютъ о ней догадываться по очень печальной примѣтѣ: по отчетамъ о числѣ жертвъ въ разныхъ рѣзняхъ и погромахъ, поражавшихъ то ту, то другую колонію діаспоры, страшно ихъ опустошая, но всетаки не стирая съ лица земли. Такъ, знаменитое, всеіудейское возстаніе 116 года по Р. Х. стоило діаспорѣ 220,000 человѣкъ въ Африкѣ и 240,000 въ Месопотаміи и на Кипрѣ, что, однако, ни здѣсь, ни тамъ не положило конца еврейскому процвѣтанію.

Въ погромахъ и разгромахъ іудейства античнымъ антисемитизмомъ религіозное чувство почти совершенно исчезло за политическимъ и соціальнымъ. Напротивъ, іудейская религія и этика пользовались большимъ уваженіемъ въ мірѣ политеистическаго екад-

данса и поисковъ этики, обоснованной на философскомъ абсолютѣ. Эллинская интеллигенція съ удовольствіемъ искала сходства между „Республикою“ Платона и Моисеевымъ идеаломъ, а темныя массы переняли у евреевъ субботу, праздники, воздержаніе отъ многихъ видовъ пищи, иногда, въ послѣднее время Римской Республики и въ первое принципата, кажется, даже обрѣзаніе. Отвлеченный, могучій Яхве былъ по сердцу вѣку, утомленному дѣтскими бреднями политической миѳологіи и натянутыми попытками облечь ихъ въ системы философскихъ иносказаній. Въ іудействѣ и въ язычествѣ двусторонне назрѣвала теорія Слова, Логоса, впослѣдствіи подхваченная и развитая христіанствомъ. Александрія воспитывала единовременно и будущихъ неоплатониковъ, и будущихъ гностиковъ. Эллинскій Платонъ готовился переродиться въ іудейскаго Филона, а іудейскій Филонъ писалъ только по гречески и почти не зналъ роднаго языка.

Еврей въ діаспорѣ, профессіонально, былъ антиподомъ еврея въ Палестинѣ. Земледѣлецъ, хлѣбопашецъ, виноградарь, онъ, увлеченный изъ родной страны въ насильственную или добровольную эмиграцію, превращался изъ человѣка деревни, сидящаго подъ смоковницею, въ горожанина, для котораго никакихъ смоковницъ не взращено и не уготовано, а необходимъ новый упорный трудъ — въ руч-

ныхъ ремеслахъ и въ торговлѣ. Твердость еврея въ законѣ ревниво хранила соціалистическій идеалъ народный, какъ онъ вылился въ Второзаконіи, но идеалъ этотъ былъ выношенъ страною земледѣльческою, и въ городскомъ обиходѣ аграрная часть его теряла смыслъ; превращалась въ мертвую букву, которую надо спасать отъ забвенія хитрыми толкованіями, — иначе, попавшая не на свое мѣсто, святыня будетъ звучать просто чепухою. Не забудемъ, что древній городъ былъ городомъ въ гораздо большей степени, въ гораздо ярче выраженномъ типѣ, чѣмъ даже современныя европейскія столицы. Чтобы представить себѣ Александрію или Антіохію, надо видѣть Стамбулъ или, пожалуй, простонародные кварталы Неаполя и вообразить ихъ въ громадно увеличенномъ масштабѣ. На камнѣ булыжныхъ мостовыхъ не растутъ ни финики, ни маслины, ни виноградъ, ни пшеница, съ которыми Пятикнижіе связывало судьбы еврейства и сперва обиліемъ, потомъ оскудѣніемъ которыхъ созидались его экономика, мораль и право. Еврей вошелъ въ діаспору, какъ торговецъ, ремесленникъ и чернорабочій. Мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства, что во всѣхъ этихъ отрасляхъ дѣятельности онъ оказался истиннымъ кладомъ для мѣстности, гдѣ поселялся. Даже антисемиты соглашались, что евреи — драгоцѣнные труженики по прилежанію, по выносливости въ работѣ, по невзыскатель-

ности на счетъ заработной платы, по скромности житейскихъ потребностей и, наконецъ, по честности и добросовѣстности труда, поставленнаго подъ естественную инспекцію племенной круговой поруки, которая истекала изъ ихъ единодушной преданности своему закону. Евреи въ античной діаспорѣ, въ первые вѣка ея, напоминаютъ въ большемъ масштабѣ благородный примѣръ много позднѣйшихъ временъ, порожденный и соціально воспитанный, однако, ихъ же библейскимъ духомъ. Я говорю о томъ, какъ, по реставраціи Стюартовъ, была распущена пуританская армія Кромвеля. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, — говоритъ Маковей, — были разомъ пущены по міру; и опытъ, казалось, оправдывалъ мнѣніе, что эта перемѣна произведетъ много бѣдствій и преступленій, что уволенные ветераны явятся нищенствующими на каждой улицѣ или что они будутъ доведены голодомъ до грабежа. Но ничего подобнаго не послѣдовало. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не осталось и признака, что самая грозная армія въ мірѣ только что потонула въ массѣ общества. Сами роялисты признавались, что во всѣхъ отрасляхъ честнаго труда отставные воины преуспѣвали болѣе другихъ людей, что ни одинъ изъ нихъ не былъ замѣченъ въ нищенствѣ, и что, если какой нибудь хлѣбникъ, каменьщикъ или извозчикъ обращалъ на себя вниманіе трудолюбіемъ и трезво-

стью, онъ, по всей вѣроятности, былъ однимъ изъ старыхъ солдатъ Оливера. Но именно эти качества отмѣнной трудоспособности, облеченныя міросозерцаніемъ соціалистическаго идеализма, и должны были создать вражду между еврействомъ и эллинизированнымъ полу — рабскимъ востокомъ, въ который оно впиталось.

Въ книгѣ Эстеръ имѣется подробная мотивировка правительственнаго погрома, декретированнаго царемъ Ахверушомъ, подъ вліяніемъ Гамана — этого фонъ — Плеве персидской монархіи. Евреи выставляются въ немъ врагами государственнаго мира. „Во всѣхъ племенахъ вселенной замѣшался одинъ враждебный народъ, по законамъ своимъ противный всякому народу, постоянно пренебрегающій царскими повелѣніями, дабы не благоустроялось безукоризненно совершаемое нами соуправленіе. Итакъ, узнавъ, что одинъ только этотъ народъ всегда противится всякому человѣку, ведетъ образъ жизни, чуждый законамъ, и противясь нашимъ дѣйствіямъ, совершаетъ величайшія злодѣянія, чтобы царство наше не достигло благосостоянія, мы повелѣли указанныхъ вамъ... всѣхъ съ женами и дѣтьми всецѣло истребить вражескими мечами безъ всякого сожалѣнія и пощады... чтобы не препятствовали намъ въ послѣдующее время проводить жизнь мирно и безмятежно до конца". Вы ясно слышите, что въ переводѣ на современ-

ный языкъ это обозначаетъ: евреи куютъ крамолу и дѣлаютъ революцію. Это обвиненіе стало стереотипнымъ въ вѣкахъ, и наши Гринмуты, Шмаковы и Крушеваны недалеко увели свою антисемитическую изобрѣтательность отъ библейскаго образца. Кстати сказать: въ одномъ антисемитическомъ памфлетѣ, сочиненіи именно Шмакова, я встрѣтилъ горькія сожалѣнія о печальной судьбѣ Гамана и пылкіе упреки потомству, что оно не сумѣло оцѣнить великихъ идей этого государственнаго мужа! Такъ свѣтлые умы узнаютъ другъ друга даже черезъ пропасть двадцати пяти вѣковъ.

До извѣстной степени, люди, ненавидящіе евреевъ, какъ дѣятелей революціи, чувствуютъ своимъ инстинктомъ государственниковъ запахъ истины. Но они не понимаютъ ея и, когда, не понимая, пытаются изложить, то искажаютъ ее въ трагикомическія, безобразныя, жестокія формы, въ которыхъ кровавая трагедія смѣшана съ площадною каррикатурою. Мы видѣли, что, еще за семьсотъ лѣтъ до Р. Х., еврейство выработало кодексъ, который, въ качествѣ національной характеристики, предрѣшилъ судьбу іудаизма: государственная идея въ еврействѣ будетъ всегда пасовать предъ идеей фамильнаго союза, обусловленнаго соціальнымъ равенствомъ. Царство Давида, сына Давидова, мессіаническая мечта, Новый Іерусалимъ — все это утопіи „высшей справедливости на зем-

лѣ,“ религіозныя коммуны, полныя соціалистическихъ надеждъ, и нисколько не государственные проэкты. Вопль Іегуды Маккавея — „царемъ Сіона будетъ только Богъ!“ — быть можетъ, самое полное выраженіе древне-еврейской политической мысли. Подобно тому, какъ задачею послушныхъ учениковъ библейскаго іудаизма, воинственныхъ святыхъ, окружавшихъ Кромвелля, было учрежденіе свободной и благочестивой республики, при страшной, органической ненависти ко всѣмъ фактическимъ и внѣшнимъ прерогативамъ монархической власти, — такъ и сердца древнихъ іудеевъ діаспоры горѣли жаждою наполнить міръ пламенемъ высшей справедливости и равенствомъ праведныхъ, учредить въ мірѣ „царство не отъ міра сего“, о которомъ впослѣдствіи мечталъ Іисусъ и которое представляетъ собою въ высшей степени іудейскую идею.

Съ точки зрѣнія древней власти, — будь она деспотіей, царствомъ съ олигархической конституціей, воплощайся она въ республику аристократическаго или демократическаго уклада, въ эллинскій πόλις, — іудейство не могло не возбуждать глубочайшаго недоумѣнія и подозрѣнія, какъ сила, сравнительно со всѣми политическими постройками дохристіанской исторіи, совершенно анархическая и противу — государственная. Древнее государственное и городское право предполагаютъ рѣзкое раздѣленіе классовъ, наслѣдственныя привилегіи, не-

справедливости неравенства, авторитетъ и злоупотребленіе сильной власти, попустительство многимъ порокамъ и общества и личности, строгую цензуру соціальныхъ вопросовъ, милиціонизмъ, усердіе къ которому иногда стоило нашего милитаризма. Мы видѣли, что идеалистическій соціализмъ эпохи Второзаконія отрекся отъ всѣхъ этихъ устоевъ для девиза „общественной справедливости". Тѣмъ самымъ онъ отрекся и отъ возможности устроить свое государство между древними государствами. Ему не суждено было сложиться въ націю, скованную съ территоріей, — ему выпалъ жребій быть соціальнымъ ферментомъ міра. Еврейскій геній больше работалъ для человѣчества, чѣмъ для своей земной родины. Еврейское разсѣяніе — естественный плодъ этой экстатической работы — роковое, мученическое предназначеніе, которымъ великій народъ — энтузіастъ свершалъ и свершаетъ свою историческую миссію: быть искупительнымъ двигателемъ свободы народовъ, проходить міръ собирательнымъ Мессіей правъ и правдъ человѣка. По мистической терминологіи Адама Мицкевича или нашего Владиміра Соловьева, еврейскій народъ, въ своемъ страданіи и въ крѣпости своего идеала, есть мессіаническій по существу и, конечно, долженъ быть поставленъ въ челѣ всѣхъ мессіаническихъ народовъ.

Соціалистъ Второзаконія, входя въ среду

совершенно противоположныхъ ему міросозерцаній и учрежденій, заключалъ съ ними формальное, внѣшнее перемиріе для возможности жить безопасно, но вступалъ въ тайную непримиримую борьбу — по существу, во имя принципа; она разрушала старый міръ, даже безъ активныхъ усилій со стороны еврейства, — простою наглядностью его быта. Городъ великаго распутства, какъ Александрія или Антіохія, находилъ давно утерянный стыдъ въ зрѣлищѣ строгой еврейской семьи. И рабовладѣлецъ и рабъ смущались предъ народомъ, который отрицалъ возможность строить на институтѣ рабства свою соціально-политическую систему и, хотя имѣлъ рабовъ самъ, однако держалъ ихъ не на вещномъ правѣ, нокакъ членовъ дома, подчиненныхъ владыкѣ семьи лишь временною кабалою. Право собственности сталкивалось въ еврействѣ съ такими категорическими его отрицаніями, какъ субботній годъ, — каждый седьмой, — погашавшій заемныя и кабальныя обязательства, и юбилейный годъ, — каждый пятидесятый, — который, по идеѣ книги „Левитъ“, долженъ былъ возвращать каждое хозяйство къ первобытному надѣлу, вѣчно поддерживая, такимъ образомъ, въ народѣ аграрное и вообще имущественное равенство. Очень можетъ быть, что на практикѣ эти узаконенія никогда не примѣнялись или сводились къ условнымъ символическимъ формальностямъ. Но достаточно уже и того, что духъ

народа выносилъ и родилъ ихъ, и еврей съ гордостью могъ указать на нихъ, какъ на свидѣтельство гуманности и справедливости, до которыхъ не возвысился ни единый изъ господствующихъ народовъ земли. Гаманы всѣхъ вѣковъ, отъ персидскаго до россійскихъ Плеве и Дурново, обвиняли и преслѣдовали еврейство, какъ дѣлателей революціи политической, потому что смутный полицейскій инстинктъ подсказывалъ имъ въ немъ носителей революціи соціальной, — людей, органически враждебныхъ всякой цивильной и военной бюрократіи, потому что чувство живой морали сильнѣе въ нихъ мертвыхъ нормъ условнаго права, и человѣческая личность въ сіяніи чистой совѣсти для нихъ выше казеннаго гражданства оффиціальной благонадежности и — одинаково — всѣхъ наградъ и каръ отъ власти міра сего.

Евреи вошли трезвыми въ міръ пьяныхъ и работящими въ царство лѣни. Они внесли въ античный бытъ первую конкуренцію наемнаго труда съ рабскимъ. Дешевизна ихъ мелкихъ производствъ въ связи съ ихъ глубокимъ равнодушіемъ къ матеріальнымъ условіямъ жизни, какъ скоро обезпечена неприкосновенность религіозно соціальной свободы, не только выдерживала, но и успѣшно побѣждала это могучее соперничество. Конечно, античный еврей, еще не перевоспитанный Талмудомъ, не былъ тою живою машиною обрядовыхъ

предписаній, какъ сдѣлали изъ него средніе вѣка. Но законъ уже воспитывалъ его въ строгой регулярности, какой совершенно не знала политеистическая чернь діаспоры. Еврейскій день былъ аккуратно и цѣлесообразно раздѣленъ, еврейская пища тщательно и детально опредѣлена. Еврей вносилъ въ бытъ Египта, Сиріи, эллинскихъ колоній качества, которыхъ очень не доставало ихъ туземцамъ: силу жизненной энергіи, рабочій характеръ и способность къ самопожертвованію за соціальный идеалъ. Разница между арійскимъ и семитическимъ міровоззрѣніемъ въ древнихъ культурахъ многозначительно выясняется филологическимъ путемъ. Такъ, въ латинскомъ языкѣ *святость* и *богатство* обозначаются производными отъ одного корня: divus, dives. Въ библейскомъ языкѣ, наоборотъ, *кротость благочестіе, святость*, выражаемыя прилагательнымъ anav, находятся въ непосредственномъ родствѣ съ oni: *бѣдный, удрученный*. Эти люди презирали комфортъ и роскошь, къ которымъ съ особенною любовью стремилось именно на Востокѣ эллинская культура. Больше всего ненавидѣли они великолѣпное зодчество и пластическія искусства, неразлучныя эллинизаціей. Еврейскій геній— неутомимый и яростный иконоборецъ. Въ томъ дохристіанскомъ VIII вѣкѣ, что опредѣлилъ торжество и будущій историческій характеръ очищеннаго и одухотвореннаго яхвеизма, Езекія не постѣснился уничтожить

всѣ древніе фетиши и вещественные символы, накопившіеся въ первобытномъ племенномъ культѣ Яхве, ничуть не смущаясь ореоломъ Моисеевыхъ преданій, сопряженныхъ съ этими національными религіями. По преданію, въ числѣ ихъ былъ разбитъ въ куски и знаменитый „Nehuston“ — „мѣдный змій“ Моисея. Такъ, двѣ тысячи лѣтъ спустя, протестанты въ арміи Бурбона, взявъ Римъ, сгорали мечтою выбросить въ Тибръ главную опору папской власти останки апостола Петра. Современные протестанты дѣйствуютъ средствами менѣе грубыми, но столь же рѣшительными: въ представительствѣ своей Тюбингенской школы, они просто доказали съ великолѣпною убѣдительностью, что Петръ никакъ не могъ быть основателемъ Римской церкви, а тѣмъ паче ея первымъ епископомъ, и, быть можетъ, даже никогда не посѣщалъ Рима; а пресловутыя мощи его, надъ которыми высится San Pietro in Vaticano, центръ и высшая власть всего католическаго міра, — можетъ быть, и очень древній скелетъ, но Петру то ни въ коемъ случаѣ принадлежать не могутъ.

Нескрываемая вражда евреевъ ко всякой матеріализаціи отвлеченныхъ идей, въ особенности же религіозныхъ, сказывалась очень рѣзко. Въ этомъ случаѣ имъ измѣнялъ даже тотъ политическій международный тактъ невмѣшательства въ дѣла иноплеменниковъ, который они выдерживали

очень строго во всѣхъ государствахъ діаспоры. Еврейству дорого стоили проклятія противъ религіозной скульптуры античнаго міра, гремящія со страницъ ихъ священныхъ книгъ, а слѣдовательно и изъ устъ каждаго фанатика — законника. Въ свое время, говоря о христіанско-іудейской колоніи въ Римѣ, мы увидимъ, что еще дороже обходилась имъ принципіальная ненависть ихъ къ роскошному строительству. Національный геній еврейства почиталъ законнымъ великолѣпіе только одного зданія въ мірѣ: храма іерусалимскаго. Іудея негодовала даже на скромные дворцы своихъ благочестивыхъ царей: зачѣмъ они? Это соперничество земли съ небомъ, царя съ Богомъ, это нарушеніе равенства въ союзѣ, это тяжесть на шеѣ народной. Пророки задыхаются отъ бѣшенства, когда религіозный индифферентизмъ или соблазнъ сосѣдскихъ культовъ отражается въ быту израильскомъ новшествомъ архитектурныхъ затѣй. Только храму Яхве приличествуетъ вдохновенное и роскошное зодчество. Великолѣпный царскій дворецъ достоинъ презрѣнія и ненависти, какъ символъ власти, злоупотребляющей своимъ престижемъ. Пышный домъ богача ненавистенъ, какъ символъ капитала, получившаго преобладаніе надъ трудомъ. Комфортъ и зодчество представляются библейскому еврейству не только несправедливостью, но и безцѣльною глупостью. Жизнь міра — мгновеніе въ

жизни Яхве. Не сегодня, завтра все погибнетъ въ огнѣ. Что же строятъ язычники и тѣ, кто имъ подражаютъ? Костры для огня? Нечего сказать, — стоитъ труда! Пластическія искусства, равно какъ до извѣстной степени и зодчество, тѣсно связаны съ вдохновеніями смерти загробнаго существованія личности и культа предковъ. Эти начала чужды семитизму, проявленія ихъ въ іудейской религіи сторонній наносъ. Іисусово „оставь мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ“ вырвалось изъ чисто іудейскаго міросозерцанія. Еврейство всегда стремилось упорядочить жизнь живыхъ, а не рай покойниковъ, и идею безсмертія понимало и любило только въ матеріальной земной реализаціи, т. е. въ непрерывномъ пресмствѣ рода, въ укрѣпленіи и ростѣ племенного союза чрезъ размноженіе и благоденствіе каждой еврейской семьи. Еврей мало интересовался своимъ сумрачнымъ Шооломъ, но очень много своимъ ближайшимъ потомствомъ. Въ этомъ у еврейства есть нѣкоторое сходство съ древними римлянами, — впрочемъ, съ ними оно вообще и довольно долго ладило нравственно, пока обѣ стороны не разглядѣли другъ друга и, разглядѣвъ, не поняли, что внутреннимъ смысломъ народностей онѣ взаимно отрицаютъ одна другую. А тогда вспыхнулъ между ними столѣтній бой на жизнь и смерть, закончившійся тѣмъ, что Римъ стеръ съ лица земли само-

стоятельную государственность іудеевъ, а іудаизмъ, чрезъ христіанскіе компромиссы, овладѣлъ государственностью Рима и обратилъ его въ своего управляющаго.

Мы подробно разсмотрѣли тѣ положительныя стороны древняго еврейства, которыя не могли не вызвать антагонизма въ политическихъ народахъ, обществахъ и государствахъ, потому что ставили еврейскую культуру выше ихъ. Но, разумѣется, не слѣдуетъ воображать евреевъ ангелами на землѣ, страдавшими только потому, что они имѣли несчастье поселиться среди дьяволовъ. Въ семьѣ не безъ урода, и въ еврействѣ діаспоры развивались, наряду съ отрадными явленіями, также и отдѣльныя лица, и цѣлыя группы, и случайные взгляды, и продуманныя теоріи, и временныя занятія, и націонализированныя профессіи, отнюдь не дѣлавшія израилямъ чести. Со времени Вавилонскаго плѣненія, въ Израилѣ появилась богатая и могущественная буржуазія. Она откровенно почитала торговую жизнь въ эмиграціи діаспоры гораздо болѣе выгодною, удобною и пріятною, чѣмъ въ родной Іудеѣ и сохраняла съ отечествомъ лишь формально — духовную связь закона, храмовой подати и пасхальныхъ путешествій въ Іерусалимъ однажды въ три года. Эта буржуазія была тяжела не только для чужеземцевъ, но и для своихъ единовѣрцевъ и одноплеменниковъ, не избѣгавшихъ

экономической зависимости отъ нея. Возникала она обыкновенно на почвѣ банкирскихъ операцій, т. е. ростовщичества — профессіи, строго запрещенной Торою для междуеврейскаго денежнаго рынка, но разрѣшенной 19 и 20 стихомъ 23-й главы „Второзаконія“ для обращенія международнаго. „Не отдавай въ ростъ брату своему ни серебра, ни хлѣба, ни чего либо другого, что можно отдавать въ ростъ; иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай“. Изъ этого текста достаточно ясно, почему капиталистическая буржуазія народилась въ еврействѣ, лишь когда оно развило эмиграцію въ чужія страны. Въ слѣдующихъ чтеніяхъ мы увидимъ ее господствующею уже и въ самой Іудеѣ, но послѣдняя заразилась ею отъ діаспоры: истинная родина еврейскаго капитализма — Вавилонъ, Сузы, Антіохія, Александрія, Римъ. Ясно и то, почему зрѣлище еврейской капиталистической буржуазіи раздражало автохтоновъ, среди которыхъ она назрѣла. Къ тому же, еврейская буржуазія, — эти князья діаспоры, — очень мало считалась съ мнѣніями и взглядами народовъ и городскихъ населеній, окаймлявшихъ еврейскія колоніи. Ея политическою системою было всегда становиться подъ непосредственное покровительство государей или другихъ главъ правительства. Въ политическомъ характерѣ семитовъ есть одна странная черта. Подобной, кажется, нѣтъ ни у одного народа арій-

ской расы, кромѣ, пожалуй, русскаго. Въ то время, какъ всякая государственная власть, выходящая изъ ихъ среды и для ихъ среды, глубоко противна имъ и вызываетъ ропоты и протесты отъ перваго момента своего возникновенія до послѣдняго момента своей гибели, они обладаютъ необыкновенною способностью влюбляться въ разныхъ стихійныхъ людей чужой власти, — часто даже наперекоръ патріотизму, какъ понимаетъ патріотизмъ арійское племя. Поразительнѣйшій примѣръ такой страдальческой влюбленности — пророкъ Іеремія съ его мистическимъ энтузіазмомъ къ Навуходоносору, въ котораго онъ увѣровалъ, какъ въ „палача Божія“, ниспосланнаго быть мстителемъ за Яхве всѣмъ народамъ земли включительно съ несчастною родиною самаго энтузіаста. Бичуя несчастія своихъ земляковъ съ почти безумнымъ злорадствомъ отчаянья, Іеремія прямо убѣждалъ ихъ, что несчастіемъ будетъ и борьба съ Навуходоносоромъ: это — противленіе карѣ Божіей. Такъ же точно—увидимъ мы — въ послѣдніе дни Іерусалима, фарисей-патріотъ Іосифъ Флавій влюбился въ политическую миссію дома Веспасіановъ. Способность такихъ страшныхъ влюбленностей пережила въ семитизмѣ вѣка. Когда вы читаете вдохновенныя строки Генриха Гейне о Наполеонѣ, вы слышите, что въ душѣ поэта дрожатъ струны древнихъ настроеній Іереміи къ Навуходоносору, Іосифа — къ Титу Га

Рашангъ. Ни греки, патріоты своихъ городовъ, ни восточные народы никогда не умѣли понять этихъ чертъ семитической души, для которой справедливость и законъ, воплощающій справедливость, есть истинное, первое отечество, такъ что за нимъ тускнѣетъ и должно поступаться своими интересами отечество, опредѣляемое территоріальностью, государственностью и общественностью. Въ этомъ отношеніи, едва ли не самый характерный фактъ іудейской исторіи – взятіе Іерусалима въ 319 году Птоломеемъ сыномъ Лага — въ субботній день, когда евреи сочли грѣхомъ поднять оружіе для самозащиты. Греческіе антисемиты разсыпали не мало остротъ по поводу этого трагикомическаго завоеванія. Они забывали одно: что-если іудеи пожертвовали стѣнами и площадью своего святого города, лишь бы не нарушить субботы, то, наоборотъ, пожертвовать хоть іотою своей, вѣками выношенной и узаконенной, религіозной совѣсти они не соглашались за всѣ города, богатства и привилегіи міра. Израиль довольно равнодушно переходилъ изъ подъ ига одного деспота къ ярму другого, но попытка сумасброднаго Антіоха Эпифана эллинизировать Іудею и распространить въ ней олимпійскій культъ вызвала героическое возстаніе Маккавеевъ и возвратила еврейскому народу давно забытую самостоятельность.

Иноплеменные любимцы и протеже верховной власти никогда не пользуются симпатіями поддан-

ныхъ. Между тѣмъ, въ восточныхъ монархіяхъ еврейская эмиграція всегда стояла подъ спеціальною охраною троновъ. По всей вѣроятности, девять десятыхъ изъ покровительственныхъ эдиктовъ, манифестовъ и грамотъ народу Израильскому, которыми хвалится Іосифъ Флавій, надо отнести къ числу патріотическихъ подлоговъ: на нихъ былъ великій мастеръ этотъ писатель, — его пристрастіе ко лжи съ благонамѣренною цѣлью, по меньшей мѣрѣ, равнялось его таланту! Но несомнѣнно, что изъ всѣхъ чужеземцевъ, евреи легче всего получали государственное и городское равноправіе, льготы культа и привилегію, которой они всюду усерднѣе всего добивались: отмѣну воинской повинности. Александрійскимъ евреямъ сданы были на откупъ еще Птоломеями рѣчныя таможня и полиція по Нилу. Государства считались съ ихъ праздниками, съ субботними днями, которыми іудаизмъ чуть не доисторически разрѣшилъ вопросъ о воскресномъ отдыхѣ, столь обостренный въ современной Россіи, да не вполнѣ еще разрѣшенный и во многихъ государствахъ Западной Европы. О свободѣ синагоги я уже говорилъ. Болѣе того: въ 160 году діаспора получила даже возможность учредить въ Египтѣ, близъ Мемфиса, новый религіозный центръ іудаизма — знаменитый Оніевъ храмъ, должный соперничать съ Іерусалимскимъ. Права внутренней юрисдикціи и автономіи были велики и

крѣпки въ еврействѣ, какъ уже никогда впослѣдствіи.

Всѣ эти правительственныя любезности покупались строгою лойяльностью еврейства. За исключеніемъ Рима,—и то отчасти,—они всюду сохраняли оппортюнистическій нейтралитетъ гостей въ чужомъ домѣ, спокойно принимая ту власть, которая водворялась въ странѣ. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х. рабби Ханина возгласилъ, какъ догматъ: „Молитесь за существующее правительство; безъ него люди пожрутъ другъ друга.“ Такимъ образомъ, въ каждомъ государствѣ діаспоры еврейство являлось единовременно и силою прогрессивно-революціонною, какъ ферментъ соціально-религіозный, и силою реакціонною, какъ естественный политическій союзникъ деспотическихъ правительствъ, бравшихъ на себя его защиту. Политически діаспора работала на регрессъ человѣчества, соціально на—прогрессъ. Но вторая работала настолько глубже и вліятельнѣе первой, что—я повторяю: не было такого вѣка и государства, когда бы какой либо Гаманъ не чувствовалъ инстинктомъ бюрократа-государственника, что въ скорлупѣ еврейскаго лойяльнаго нейтралитета трепещетъ пламя будущихъ антигосударственныхъ, уравнительныхъ революцій, и не шепталъ бы о томъ въ уши властелина своего. И равнодушныя милости смѣнялись далеко не безразличнымъ гнѣвомъ. Лилась кровь, гибли люди,

въ города діаспоры вселялись голодъ, болѣзни нищета.

Въ дохристіанское время еврейство, по крайней мѣрѣ, въ діаспорѣ не замкнулось еще въ самомъ себѣ съ такою строгостью, какъ послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ и разрыва съ христіанствомъ. Эрою этого разрыва надо считать послѣдніе годы правленія римскаго императора Домиціана Флавія — девяностые въ первомъ столѣтіи. [Позиціямъ іудаизма въ римской республикѣ и имперіи, паденію самостоятельнаго іудейскаго государства и выдѣленію изъ іудейства христіанской секты съ превращеніемъ ея въ религію, рѣзко враждебную своему древнему корню, будутъ посвящены мои ближайшія чтенія.] Но процессъ замкнутости начался еще въ VIII в. до Р. Х. при томъ же Езекіи, покровителѣ эбіоновъ и анавитовъ, и притомъ, не только противъ чужеземцевъ, но и противъ своихъ. „Святые“, „нищіе Божіе“ составляли нѣчто вродѣ религіозно — соціальнаго братства, необыкновенно щепетильнаго въ своихъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, въ особенности же съ тѣми свободомыслящими и вольнодумцами, которыхъ они называли lесіт, насмѣшники, кощуны. Восьмой вѣкъ зналъ уже философію матеріалистическаго склада и атеизма, — вѣроятно, она наплывала изъ Вавилона, — и велъ съ нею жестокую идейную борьбу. Слѣды ея сохранились въ псал-

махъ. Брезгливая пуританская исключительность анавитовъ сперва черезъ фарисейство, затѣмъ черезъ раввинизмъ и синагогу плѣненія и разсѣянія, въ большей или меньшей степени внѣдрилась въ весь народъ. Послѣхристіанское еврейство почти категорически отказалось отъ прозелитизма, — дохристіанское, въ азіатской, африканской и эллиноримской діаспорѣ было далеко не прочь отъ него. Однако, оно хорошо памятовало, что „Аммонитянинъ и Моавитянинъ не можетъ войти въ общество Господне и десятое поколѣніе ихъ не можетъ войти въ общество Господне во вѣки.“ (Второзаконіе, XXIII, 3.), а идумеяне и египтяне, хотя тоже отвержены, но, по смягчающимъ ихъ вину обстоятельствамъ, лишь въ трехъ поколѣніяхъ. Такъ что даже въ прозелитизмѣ оно было придирчиво, взыскательно и ищущій судейской истины долженъ былъ стучаться въ дверь ея, какъ въ двери, своего рода, гигантской франмасонской ложи. Иностранное происхожденіе оставалось пятномъ на родѣ прозелита очень долго. Царь Агриппа изъ идумейской династіи, рыдалъ предъ первосвященникомъ и фарисейскимъ сборищемъ о томъ, что его прадѣдушка, Иродъ Великій, былъ арабъ — до тѣхъ поръ, пока авторитетные законники не объявили этому ханжѣ, что, за благочестіе и хорошее знаніе писанія, они признаютъ его своимъ „братомъ“ и, слѣдовательно, онъ можетъ царить надъ

Израилемъ, не опосаясь нарушить основной законъ Моисея.

Замкнутость всегда порождаетъ тайну, а тайна—попытки извѣдать ее, если не слѣдствіемъ разума, то догадкою фантазіи. Расовая, религіозная, соціальная антипатіи слились вмѣстѣ противъ пришельцевъ, возбуждавшихъ зависть своимъ умѣньемъ занять привилегированное положеніе въ семьѣ народовъ своею богатою и властною буржуазіей, а внизу общества—сплоченностью своего племенного братства, которая допускала дешевый трудъ, не легкій для конкуренціи. Бѣсили антисемитовъ одинаково всѣ хорошія и дурныя стороны евреевъ Замкнутость принималась, какъ ненависть ко всему человѣческому роду. Ритуальная разборчивость и щепетильность въ пищѣ рождала басни о ритуальномъ людоѣдствѣ: ужасный миѳъ о мнимомъ употребленіи евреями при пасхальномъ богослуженіи крови иновѣрца,—стоившій несчастному народу столькихъ погромовъ, пытокъ, казней въ средніе вѣка и, къ стыду европейской цивилизаціи совершенно не истребленный даже до сего дня,—гораздо старше христіанства. Онъ родился въ Александріи, которую для древности вообще можно считать столицею антисемитическихъ движеній. Первымъ писателемъ, который ввелъ эту гнусную клевету въ литературу, былъ эллинизированный египтянинъ Апіонъ, великій шарлатанъ и умершій въ началѣ

I вѣка нашей эры. Ненавидѣли обрѣзаніе,—хотя оно практиковалось не одними евреями, — но ставилось въ вину только евреямъ. Греческій переводъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта познакомилъ античный міръ съ лѣтописями, законодательствомъ, поэзіей и философіей іудейства. Но, какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ нѣтъ и добра безъ худа: именно переводъ этотъ навелъ жреческіе и государственные умы эллинизма на мысли объ опасномъ для существующаго строя соціальномъ настроеніи іудаизма. Теперь общественное нерасположеніе къ людямъ, подозрѣваемымъ въ образѣ мыслей, несогласномъ съ укладомъ буржуазнаго государства и торжествующаго мѣщанскаго строя, выражается страхомъ,— не бросилъ бы бомбу. Бомбы—изобрѣтеніе XIX в. Раньше „неблагонадежнымъ“ обыкновенно приписывали поджигательство. Подъ этимъ тяжелымъ подозрѣніемъ еврейство діаспоры жило цѣлыми вѣками. Имъ приписывались всѣ крупные пожары въ городахъ, что, конечно, влекло за собою бѣшеныя расправы черни, иногда покровительствуемыя и политическою буржуазіей, и правительствомъ. Исторически засвидѣтельствованъ страшный антіохійскій погромъ 67 года по Р. Х., имѣвшій именно такое происхожденіе. Трагическая легенда о пресловутомъ первомъ римскомъ гоненіи на христіанъ сложилась, какъ эпосъ того же предубѣжденія, въ связи съ великимъ Нероно-

вымъ пожаромъ 64 года. Антіохійскіе пожаръ и погромъ любопытны, какъ показатели, съ какою твердостью живетъ извѣчный шаблонъ этихъ позорящихъ человѣчество ужасовъ. Нѣсколько злостныхъ банкротовъ, чтобы истребить обличающіе ихъ документы, подожгли присутственныя мѣста, а чернь свалила вину на евреевъ. Какъ водится, немедленно нашелся демагогъ изъ ренегатовъ по имени Антіохъ. Этотъ негодяй, не только подтвердилъ клевету, но обвинилъ, какъ соучастника поджоговъ, даже родного отца. Чернь захватила представителей іудейства въ театрѣ и сожгла ихъ живыми, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, революціонеровъ въ Томскѣ. А потомъ, подъ руководствомъ, того же Антіоха, устроила погромъ, щадя только тѣхъ евреевъ, которые соглашались принять обряды эллинскаго культа. Антіохійскій губернаторъ поддержалъ погромщиковъ полицейскою силою совершенно по системѣ Нейдгардта, Курлова, Клейгельса и Каульбарса. Къ счастью евреевъ римскій легатъ, главнокомандующій военными силами Сиріи, Кней Коллега, оказался человѣкомъ порядочнымъ и оправдалъ евреевъ тщательнымъ слѣдствіемъ, выяснившимъ истинныя причины бѣдствія.

Вы видите, господа, что ничто не ново подъ луною, и мало прогрессируетъ человѣчество, раздѣленное гранями государствъ теократической ли,

полицейской ли, буржуазной ли формы, воспитываемое принципами враждебнаго самоохраненія и старою формулою, что человѣкъ человѣку волкъ есть. Поставленное въ условія безгосударственности и международности, іудейство вынесло на своихъ плечахъ самые тяжкіе изъ историческихъ грузовъ, какіе слагала жизнь народовъ, зачавшихъ свою культуру въ Средиземномъ бассейнѣ и оттуда распространившихъ ее по земному шару. Борьба религіозная, борьба національная, борьба сословная — всюду еврейство имѣло и имѣетъ свою горькую часть, тѣмъ болѣе мученическую, что, съ точки зрѣнія политическихъ и этическихъ перегородокъ, оно всегда терпѣло въ чужихъ пирахъ похмѣлье и, какъ говорится, чинило чужія крыши. Повторяю: я далекъ отъ того, чтобы создавать апологію еврейства, идеализируя и его дѣйствительность, и историческую роль. Многіе изъ пороковъ личности, общества, націи и расы, которыми попрекаетъ евреевъ антисемитизмъ, вполнѣ реальны, ихъ не отрицаютъ даже самые пылкіе энтузіасты іудаизма. Но антисемиты забываютъ, что огромное большинство пороковъ этихъ выросло въ парникахъ и оранжереяхъ именно антисемитизма, а тѣ, которыхъ зачатки можно считать прирожденными расѣ, получили въ этихъ вредныхъ отравленныхъ оранжереяхъ развитіе и ядовитость, какихъ они никогда не могли бы достать въ народѣ свободномъ и

не притѣсняемомъ. Готподствующее соціологическое мнѣніе объявляетъ народъ еврейскій буржуазнымъ по преимуществу, а, слѣдовательно, ставитъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ прямую и пассивную зависимость отъ исхода классовой борьбы и паденія буржуазнаго строя. Этому взгляду поддался нѣкогда даже самъ Карлъ Марксъ, въ одной изъ раннихъ статей своихъ. При всемъ своемъ уваженіи къ авторитету Карла Маркса, я думаю, что въ своемъ опредѣленіи онъ уступилъ оптическому обману исторической видимости, и принялъ наслоеніе за основной пластъ. Еврейская буржуазія, почитаемая большинствомъ не только христіанскихъ и арійскихъ, но даже семитическихъ изслѣдователей столь типическою выразительницею іудаизма въ его исторіи, современномъ быту и соціальномъ положеніи, въ дѣйствительности, вызрѣла, какъ плодъ того же антисемитизма: она — историческое орудіе народной самозащиты, противопоставленное всемірной аттакѣ на древне-еврейскій антигосударственный и уравнительный идеалъ: она—панцырь, одѣтый для многовѣковой, непрерывной битвы. Правда, битва продолжается такъ долго, что мѣстами панцырь прилипъ и даже приросъ къ тѣлу,—когда придетъ время его снять, тѣлу будетъ больно, изъ тѣла польется кровь. Но это обстоятельство не мѣняетъ дѣла по существу: панцырь есть панцырь, а тѣло есть тѣло, и оба

они, какъ бы болѣзненно не были слиты, остаются сами по себѣ. Такъ и съ еврейскою буржуазіею. Какъ бы ни была она многочисленна и вліятельна, какъ бы глубоко она ни врѣзалась въ нѣдра іудаизма, какъ бы рѣзки ни были отпечатки ея вліянія на его быту и этикѣ, она, буржуазія, остается сама по себѣ, а историческій вѣковой идеалъ іудаизма — самъ по себѣ. И мы видѣли, что идеалъ этотъ лепеталъ соціалистическіе азы еще въ тѣ времена, когда остальнымъ міромъ управляла безъ аппеляціи и сомнѣній слѣпая сила завоевательной собственности, и не только человѣкъ, но даже цѣлые народы были—вещь. Нечего и говорить, что Карлъ Марксъ совершенно правъ, когда ставитъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ зависимость отъ пролетарской побѣды въ классовой борьбѣ. Но—кто же, какъ не евреи, являлись въ теченіе послѣднихъ вѣковъ наиболѣе сильными, яркими, убѣжденно—дѣятельными воинами въ побѣдоносной арміи европейскаго пролетаріата. Историческій инстинктъ влечетъ ихъ массами въ пролетарскіе ряды, для которыхъ чуть не предвѣчно назначало ихъ расовое вдохновеніе, и дѣлаетъ въ рядахъ этихъ самыми страстными бойцами, знаменоносцами и, часто, полководцами. Достаточно напомнить, что и Лассаль, и Марксъ—оба евреи. А, какъ говоритъ старый еврей-идеалистъ въ мудромъ, полномъ грустнаго юмора, разсказѣ нашего

дорогого товарища, беллетриста Айзмана, — „прежде міръ имѣлъ себѣ одного бога, а нашъ вѣкъ имѣетъ двухъ: Лассаль и Марксъ, и оба они наши, евреи.“

Сколько бы ни злобствовалъ современный антисемитизмъ, но дни его сочтены. Повсемѣстно сопряженъ онъ съ силами историческихъ переживаній, которыя подлежатъ погашенію при торжествѣ новаго строя, да уже и гаснутъ. Зори близкаго будущаго кровавы, но за ними — солнце побѣды. Никогда ни одно прогрессивное движеніе не могло сочетаться съ антисемитизмомъ. И, наоборотъ, не было реакціи, которая не видѣла бы въ немъ своего союзника и помощника. Политически, онъ — опора деспотизма, религіозно — оборона идолопоклонства и самыхъ черныхъ суевѣрій, соціально — борьба съ идеей равенства, въ представительствѣ расовой группы, органически ею пропитанной. Въ настоящее время, когда зашатались самые прочные устои европейскаго монархизма и даже истуканы дома Романовыхъ накренились на бокъ на глиняныхъ своихъ ножкахъ, антисемитическая ярость достигла найвысшаго напряженія въ погромныхъ неистовствахъ, организованныхъ бюрократіей русскаго самодержавія. Ужасные результаты ихъ общеизвѣстны, говорить о нихъ, значило-бы безъ нужды бить по нервамъ публики. Но надо взглянуть и на другую сторону

медали. При заревѣ пожаровъ, въ красномъ туманѣ пролитой крови, какъ уже говорилъ я, наиболѣе сознательные русскіе люди нагляднo поняли и умѣли растолковать тысячамъ другихъ, менѣе понятливыхъ, что антисемитизмъ — врагъ не только еврейства, но и всего человѣчества. Не побѣдивъ въ себѣ антисемитизма, ни одна политическая группа не можетъ примкнуть къ шествію мірового прогресса, потому что она не вправѣ расчитывать на мирное соціальное развитіе, не можетъ вѣрить въ общность и прочность своихъ гарантій гражданской свободы. Политическое, соціальное и религіозное равноправіе еврейства необходимы перерождающейся Россіи столько же сколько и самому еврейству, и оно будетъ достигнуто, вопреки всѣмъ тормозамъ и барьерамъ антисемитическаго монархизма. Я подчеркиваю слово *монархизмъ*, потому что историческій опытъ двацати пяти вѣковъ учитъ насъ, что гдѣ монархъ — тамъ и антисемитизмъ, какъ неразрывная тѣнь его, падающая, глядя по характеру монарха, вправо или влѣво, но монарховъ вовсе безъ антисемитической тѣни исторія Европы не знала, не знаетъ и не узнаетъ. Антисемитизмъ болѣзнь монархическая, даже не спеціально самодержавная, но обще монархическая, противъ которой безсильны конституціонные палліативы. Ее исцѣляетъ только уравнительный режимъ демократическихъ республикъ, да и то,

конечно, не буржуазныхъ, зыбкія существованія которыхъ способно поставить на карту первое же волненіе національныхъ страстей и предразсудковъ, какъ пережила Франція въ дѣлѣ Дрейфуса. Антисемитизмъ — рабство, протестъ рабства противъ духа, разложившаго и уничтожившаго рабскій строй. Поэтому и погибнетъ онъ лишь въ такомъ республиканскомъ союзѣ, который не будетъ знать рабства человѣческаго — ни отъ людей, ни отъ учрежденій, ни отъ капитала. Такой республиканскій союзъ, обусловленный гарантіями федеративныхъ автономій, самоотвержено завоевываютъ намъ, подъ сѣнью красныхъ знаменъ соціалистической революціи, соединенныя усилія русскаго, польскаго, армянскаго и другихъ территоріальныхъ пролетаріатовъ между которыми безтерриторіальный еврейскій пролетаріатъ, тѣсно сплоченный въ дисциплины превосходныхъ организацій играетъ роль неутомимыхъ дрожжей классовой борьбы, объединяющій всѣ пролетаріаты къ великой общей цѣли. Сквозь пули, противъ штыковъ, шашекъ и нагаекъ пестрой романовской опричины, подъ грохотомъ пушекъ, красныя знамена подымаются все выше и выше по валамъ, окопамъ и бастіонамъ обреченнаго къ гибели монархизма. Пролетарскую рать не напугать монархическими грозами, не обольстить и не сбить съ дороги сладкимъ пѣніемъ заманчивыхъ и лживыхъ конституціонныхъ сиренъ.

Я человѣкъ не первой молодости, а все же надѣюсь не умереть прежде, чѣмъ увижу красныя знамена на развалинахъ Петропавловской крѣпости и Зимняго Дворца. И — будетъ единеніе, и чудища классовыхъ пережитковъ, привычныя питаться черными предразсудками вѣковъ, станутъ умирать отъ голода и стыда. И прозрѣвшіе люди, безъ различія религій и національностей, братски обнимутся въ преддверьи Новаго Іерусалима, красоты и свободы котораго обѣщалъ и заповѣдалъ міру библейскій поэтъ-соціалистъ, великій пророкъ Исаія.

Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы, Ал. Амфитеатровъ (old Gentlman) сосланъ на 12 лѣтъ въ сибирь ч. 1—3 по 1,—
за все 3,—

Андреевъ Л. Бездна . . . . . 2,—

М. Горькій. Три разсказа (не пропущены русской цензурой) . . . . . 1,—

— — Революціонныя пѣсни и баллады 1,—

Голосъ изъ русской арміи Разоблаченія . 2,—

Ждановъ, Сергѣй. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ 2,—

Суккенниковъ, М. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . . . . 1,—

Спасовичъ Вл. Семь судебныхъ рѣчей . . 5,—

Содержаніе: I Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мервинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибыляевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Вл. Короленко. Чудная . . . . . 1,—

Домъ № 13 . . . . . 1,—

Портъ-Артуръ . . . . . 1,—

Евреи въ Москвѣ . . . . . 1,—

С. Щедринъ Топтыгинъ I, II, III . . . . 1,—

Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй Томъ I и II. . . . . 25,—

Марокъ

Флеровскій Н. И. Три политическіе системы: Николай I, Александръ II и Александръ III. . . . . 6,—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10,—

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . —,60

— — Крейцерова соната 1.50

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“ . . . . . 1,—

— — Крестьянская революція . . . . . 2,—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Очевидецъ. — Кровавое воскресенье въ С-Петербургѣ 9—22 января 1905, наброски съ натуры, отзывы заграничной печати . . . . . 1,—

Колосовъ. Смерть Плеве и Сергѣя Александровича . . . . . 1,—

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. I: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1,—

Карповичъ. Избіеніе русской молодежи. . . 1,—

Колосовъ. Его Превосходительство . . . . 3.—

Сущность и значеніе **конституціи** гарфа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1,—

Новые матералы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2.—

Марокъ

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . 2,—
„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2,—
„ VIII. **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2,—
„ X. **Николай I,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—
„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—
„ XII. **Александръ III,** . . . . . 2,—
„ XIII. **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3,—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Мысли о Финляндіи . . . . . —,80
Болѣзнь Александра III. . . . . . 1,—
Антонъ Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій . . . . . 1,—
Прощай. Господа черносотенцы.. . . . . 1,—
Вильгельмъ Райнеръ, „Дарованная" конституція и контръ-революція . . . . . 2,—
М. И. Грантъ, графъ Витте вчера и сегодня . 1,20
Вертеръ. Очерки изъ русской революціи, разсказы, эпизоды, наброски съ натуры . 1,—

Типографія Левента, (С. Сиднеръ)
Берлинъ, Линденштрассе 93.